

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СЕРБСКОМ ПРАВЕ (X—XV вв.)

В.И. Ермолович,
канд. ист. наук, доцент

Многообразие форм собственности в феодальном сербском обществе свидетельствует о зрелости хозяйственных и гражданских отношений, свойственных своему времени. Анализ правовых источников позволяет утверждать, что сербский законодатель периода средневековья знал и различал на практике понятия физического и юридического лица.

Важнейшей чертой физического лица является правоспособность. *Правоспособность* — это установленная законом возможность для лица быть носителем прав и обязанностей. Правоспособность как институт феодального права является классовым по своему содержанию. В нем изначально заложено неравенство феодала и крепостного крестьянина. В феодальном праве правоспособность феодала и крепостного крестьянина является правовым выражением их экономического неравенства. Феодал имел полную правоспособность, тогда как правоспособность зависимого (крепостного) крестьянина была существенно ограничена.

Феодальному праву средневековой Сербии были известны значительные ограничения правоспособности различных групп населения. Вместе с тем содержание их правоспособности в Сербском феодальном праве не было неизменным. Его изменения были вызваны развитием хозяйственной деятельности и общественных отношений в стране.

В период раннего феодализма ограничения правоспособности были обусловлены прежде всего положением лица в задруге или семье. Например, отдельные члены задруги имели ограниченную имущественную правоспособность. Они выступали носителями прав и обязанностей только как члены соответствующего коллектива, например, задруги, которую представлял в отношении третьих лиц старейшина (глава задруги).

Задруга, базирующаяся на коллективной, переходного вида собственности, становилась носителем тех имущественных прав, которые приобретали ее члены различными способами. При этом отдельные члены задруги могли иметь в личной собственности лишь ограниченное число предметов незначительной стоимости, предназначенных для личного пользования (одежда, оружие и т.д.). В семье правоспособность лиц также не была одинаковой. Большею правоспособностью обладал глава семьи.

Ограничения правоспособности членов задруги и семьи касались главным образом имущественных прав. Правоспособность у рабов отсутствовала полностью. Раб не являлся субъектом права. Он был только объектом права. Правовая доктрина рабства в ее классическом виде была выражена в нормах римского права. За период существования рабства у южных славян этот институт претерпел некоторые изменения, хотя по-прежнему основными источниками рабства в феодальной Сербии, как и у других славянских народов, были военный плен и долговая кабала. Институт рабства на территории феодальной Сербии юридически сохранялся до начала XV в. Об этом свидетельствует постановление Сената г. Дубровника о запрещении работорговли, которое было принято в 1400 г. [1]. До этого же времени работорговля велась в Боснии и других приморских районах Сербского государства. Однако за несколько столетий до указанных событий славяне — предки сербов и болгар предоставили пленникам возможность выкупиться из рабского состояния. Первыми на этот факт обратили внимание в своих трудах Прокопий-Кесарийский и Псевдо-Маврикий. Позже этот обычай был закреплен в сербском законодательстве, что засвидетельствовал историк права Чорчевич в «Сербской летописи за 1859 г.», где рабство трактуется в прокомментированном им правовом акте как временное состояние лица: «Если кто купит раба, а он (раб) богат и вернет уплаченную за его стоимость и отработает у купившего его срок в три года, то вновь станет свободным» [2]. На это указывает и болгарский источник права IX в. н.э. «Закон Судный людям», нормы которого в течение нескольких столетий использовались судами Сербии. Так, ст. 21 указанного источника (краткой редакции) гласит: «Если кто-нибудь купит у чужеземца пленника со всем его имуществом, а тот возместит цену, уплаченную за него, то он освобождается.

Если у него нет выкупа, то он должен остаться в качестве раба, пока не отработает уплаченного за него. Если он договорится перед свидетелями о цене, называемой платой (мздой), то она должна составлять в год по три стеленза (достоинство золотой монеты)...» [3]. Несмотря на то, что нормы, отраженные в указанных правовых актах, означают некоторое смягчение участи рабов, они все же не меняют сущности института рабства и положения раба в качестве объекта права. Характерным в данном случае является постановление Которской общины, принятое в 1186 г., о разделе штрафных санкций между князем — главой общины и церковью Св. Трифона, наложенных на жителей Котора за покупку у раба вещей [4].

Штрафные санкции в отношении жителей Которской общины были применены на основании того, что их покупки сделаны у раба, который в соответствии с законом не обладал правоспособностью, а следовательно, не мог распоряжаться имуществом.

Данное положение указывает на то, что законодательство феодальной Сербии, как и право рабовладельческого Рима рассматривает раба как вещь — собственность того, кто ее купил, т.е. как объект права. Однако институт рабства в феодальной Сербии не имел того экономического значения, которое было характерно для рабовладельческих государств. В средневековой Сербии рабство не являлось основой производственных отношений, феодальные отношения там развивались вглубь и вширь.

Источником рабства в феодальной Сербии могло быть и совершение тяжкого преступления. В данном случае представляет интерес повествование архиепископа Даниила, где он сообщает о победе государя Сербии Милутина над татарами, состоявшими у него на воинской службе и взбунтовавшимися против князя. Милутин оставшихся в живых бунтовщиков обратил в рабство [5]. Этот случай напоминает «поток и разграбление» (конфискация имущества у преступника и продажа его в рабство. — В.Е.) в «Русской Правде» [6]. Подобное наказание в чешском феодальном праве квалифицировалось как гражданская смерть, когда преступника, приговоренного к смертной казни, мог помиловать князь, но он (преступник) и его потомки становились рабами [7].

Однако в большинстве случаев осужденные в средневековой Сербии подвергались ограничению правоспособности, не утрачивая личной свободы. Так, ст. 156 «О поротниках» Призренского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Которые сопряжники поклянутся и оправдают кого-либо по закону, и если после этого оправдания действительно откроется поличное у этого оправданного, коего оправдала порота, то мое царское величество да возмет с этих сопряжников по тысяче перперов (византийская денежная единица в один перпер равнялась стоимости, примерно, 4 серебряных рублей. — В.Е.), и пусть более да не дается веры этим поротникам и да никто из них ни замуж не выходит (клятвенными свидетелями в средневековой Сербии могли быть и женщины. — В.Е.), ни женится» [8]. Данной нормой предусмотрено, что свидетели, на основании клятвы которых действительный преступник был оправдан, не только подвергаются уголовному имущественному наказанию в форме штрафа в тысячу перперов, но и ограничиваются в правоспособности. Они лишаются права вступать в брак и впредь их заявле-

ниям, утверждениям «не дается веры», т.е. фактически они утрачивают право выступать в суде в качестве истца, свидетеля, поручителя и т.д.

Развитие феодальных отношений вызвало ряд специфических, присущих только феодализму видов ограничения правоспособности широких слоев населения. Например, была ограничена возможность не только для сербских зависимых крестьян, но и представителей других непривилегированных сословий приобретать право собственности на земли, входящие в состав ленных владений светских и духовных феодалов. Так, ст. 61 из Бистричского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Да не волен никто ни продать пронию (поместье), ни купить, кто не имеет бацины (наследственной собственности, т.е. вотчины. — В.Е.)...» [9]. Содержание этой правовой нормы обусловлено тем, что право собственности феодалов на землю нераздельно связано с их правом властвовать над зависимыми крестьянами, которые обрабатывали эту землю, и в целом обусловлено господствующим положением феодалов в обществе. Исходя из этого, зависимые крестьяне, которые обрабатывали эти земли, не могли иметь полную правоспособность. Ограничения правоспособности зависимого крестьянина сводились к тому, что он не мог продавать землю за пределы феодального имения, к которому был прикреплен. Сделки купли-продажи можно было заключать в пределах только одного владения с лицами, зависимыми от одного и того же феодала. Если участниками сделки (договора купли-продажи) становились лица, находящиеся в зависимости от разных феодалов, то сеньор продавца был вправе требовать расторжения сделки и даже имел законные основания наказывать виновного посредством наложения на него штрафа.

Особый интерес вызывает вопрос правоспособности иностранцев в феодальной Сербии. Имеющиеся в нашем распоряжении правовые источники (Грамота князя Милутина — Дубровчанам 1289 г., в которой регламентируются их права на владение землями и виноградниками на территории Сербии; договор Сербского правителя Стефана Лазаревича с Венецией 1423 г. и переписка флорентийского правительства с сербским деспотом (правителем. — В.Е.) 1434 г. по поводу получения наследства Якова де-Сан-Миньято, оставшегося в результате смерти его родного брата Иеронима, находящегося длительное время на сербской службе) свидетельствуют, что правоспособность некоторых иностранцев была весьма широкой на территории Сербского средневекового государства. Они имели право

на владение даже недвижимым имуществом. Но из этого не следует, что правоспособность в феодальном Сербском государстве была одинаковой для всех иностранцев. Обычно за иностранцами признавались права в области обязательственного и договорного права, если они находили свое отражение в правовых документах. Например, в 1423 г. Стефан Лазаревич после окончания войны с Венецией заключил с ней мирный договор, по которому позволил венецианцам всех сословий и званий владеть недвижимой собственностью на территории Сербии. Однако в другом договоре 1442 г., заключенном между Венецией и Дривастской общиной — одним из регионов Сербского средневекового государства, который сохранил свою автономию, предусматривалась ликвидация всех виноградников, принадлежащих иностранцам, воспрещалось им вести строительные работы, не отвечающие интересам коренных жителей общины, а также указанный договор запрещал албанцам владеть прониями на территории округа, т.е. правоспособность иностранцев была значительно ограничена в данном регионе Сербии.

Правоспособность различных категорий населения в области наследственных отношений находит свое отражение в переписке флорентийского правительства с сербским государем в 1434 г. В ней указывается: «Если умрет какой-либо флорентинец, живущий на территории Сербского государства, если он не был осужден судом, никто не может распоряжаться его имуществом, кроме самих флорентийцев». Эта норма свидетельствует, что наследство иностранцев переходило в руки их родственников, при отсутствии же таковых, становилась собственностью государства, подданными которого они являлись.

Причины достаточно широкой правоспособности иностранцев на территории средневековой Сербии следует искать в конкретных экономических и политических условиях рассматриваемого исторического периода. Сербское государство и господствующий класс были заинтересованы в обилии иностранных товаров (оружия, предметов роскоши и т.д.). Местное производство было не в состоянии удовлетворить возрастающий спрос на некоторые товары и государство, используя право, вынуждено было создавать благоприятные условия для иностранцев на территории Сербии.

Не последнюю роль в этом процессе играло военно-политическое ослабление страны в конце XIV—XV в., когда имело место непрерывное противостояние Сербского государства Османской империи, Венгрии и Венеции. В создавшихся услови-

ях — эти государства сумели использовать ослабление Сербии, для того чтобы добиться правового закрепления широких прав и значительных выгод в области имущественных отношений для своих подданных, находящихся на территории Сербии.

Л и т е р а т у р а

1. *Пуцић М.* Споменици србски. Београд, 1858. Т.1. С. 31.
2. Српска льтопис. 1859. Т. XXXIII. Кн. 99. С. 9.
3. Закон Судный людем краткой редакцији / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 98.
4. *Зигель Ф.* Законникъ Стефана Душана. СПб., 1872. С. 124.
5. Животи кральева и архиепископа српских написано архиепископ Данило и дуги. Загреб, 1866. С. 144.
6. Русская Правда. Пространная редакција // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т.1. М., 1984. С. 64, 66, 70.
7. *Statuta ducis Ottonnis Secundum confirmationem provinciae Brunensi datum 1229* / Под ред. В.М. Корецкого // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 833.
8. Душанов законик: призренски рукопис // Јанковић Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV век). Треће издање. Београд, 1961. С. 142.
9. Душанов законик: бистрички препис / Прево Д. Богдановић. Београд, 1994. С. 18.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ПРАВА

*Е.А. Зорченко,
канд. юрид. наук, доцент*

Право во всем многообразии общественных отношений как предмет всех юридических наук исследуется посредством целой системы общенаучных, специальных и частных методов. Причем каждая отдельная юридическая наука использует в своем арсенале методы, позволяющие исследовать наиболее полно, последовательно, научно, комплексно ее предмет. Именно предмет и метод в единстве определяют своеобразие каждой науки, отграничивают ее от близких и смежных наук.

Предметом общей теории права как науки является система научных знаний о сущности, о внутренней природе правовых явлений. Она принимает во внимание только самое необходимое в способе существования права, и ее задача — свести отдельное правовое явление к его понятию или определению.